

Живет война в его душе

Народная мудрость гласит: «Без памяти о прошлом не может быть будущего». Редеют ряды ветеранов и участников Великой Отечественной, все меньше и меньше остается в живых свидетелей былых боев. И эти оставшиеся очень нуждаются в нашей поддержке, помощи и моральной, и материальной.

Шефская работа – неотъемлемая часть деятельности Курганской таможни. Уже много лет подопечными таможенников являются обитатели Дома детства и ветераны Великой Отечественной войны. Дети нам «достались» в наследство от акции, проведенной более десяти лет назад восемью генералами, возглавлявшими в то время в области правоохранительные, силовые и военные структуры, они однажды собрались вместе и решили общими усилиями оказать попечительскую помощь детям, находящимся на содержании государства. Генералы те в большинстве своем уже давно не в Кургане, а традиция живет себе и живет, никто из шефов не собирается ее нарушать.

Право шефствовать над ветеранами Великой Отечественной войны и участниками локальных военных конфликтов таможне, как и другим структурам, делегирует военный комиссариат области. Таможенники стараются относиться к этой почетной обязанности с душой и ответственностью.

Помню совсем недавние времена, когда в параде на главной площади Кургана, посвященном всенародному празднику «со слезами на глазах, с сединою на висках», принимала участие целая колонна тех, кто эту Победу добыл. В прошлом году они уже очень

свободно размещались на скамьях с ковровым покрытием, установленных в кузове одного грузовичка, стилизованного под машину времен войны. Сидели, вцепившись в специально сделанные для них держатели, но стараясь держать осанку, гордо и величаво, под тихий звук мотора и громкий звон наград на груди. Искося поглядывали на летящие под колеса везущей их машины цветы и не утирали светлых слез, катящихся по щекам.

В этих слезах было все: и пережитый ужас войны, и гордость за победу, и святая надежда на то, что эти мальчишки и девчонки с охапками живых цветов все-таки смогут сохранить завоеванный ими мир для нашей Великой России.

С Василием Буховым мы знакомы уже не первый год. В этом году он отметил 85-летний юбилей, но, несмотря на это, по-прежнему собирается стать участником городского праздника Победы. «Ноги, правда, плохо ходят, – с грустной улыбкой сокрушается он, – но все равно пойду, обязательно».

Посмотришь на Василия Васильевича – ничего героического и величественного в нем вроде и нет. Невысокого роста, с ясными глазами, в которых никогда не отражается скука и равно-

душие. Неунывающий, словоохотливый, приветливый, не такой, как мы, нынешние. Спрашиваю его: «Каким надо стать, что воспитать в себе, чтобы выжить и выстоять в любой войне?» Ответ его был короток: «Надо стать просто человеком!»

... Когда в 1940-ом Бухову исполнилось восемнадцать, война уже полным ходом подбиралась к границам нашей страны. Еще не горели поля и леса, по утрам пели птицы, деревенские мальчишки спокойно купались в озерке и с аппетитом пили молоко. Жила семья Буховых в селе Пешнево, что в нынешней Тюменской области, Василий работал на комбайне, помогая отцу зарабатывать на пропитание большой семье. А потом, едва закончилась уборочная пора, добровольцем ушел в армию.

Его распределили в воздушно-десантные войска. Первый самостоятельный прыжок он совершил с самолета ТБ-7. «Страшно было?» – спрашиваю. Василий Васильевич, хитро так прищурив глаза, отвечает: «А чего страшного-то? Фала закреплена, кольцо выйдет автоматически. К люку – и вперед...»

Да, подумалось тогда, если в этом возрасте в человеке столько энергии, юмора и молодцеватости, каким же он был в свои восемнадцать-двадцать?

Конечно, им было страшно. Почему не хотят признаваться? Просто вся суть этого вопроса кроется не в том, страшно или нет, а как к этому относиться: «Надо – значит, надо» или «может, подумать сначала, надо ли мне?» Они не раздумывали долго, в силу юношеского максимализма им было «надо», а думали и плакали они уже потом.

– Был у нас такой командир роты по фамилии Зиновьев, – продолжает дед Василий, – вот тот по-настоящему боялся. Он постарше нас был, поразумнее, у него уже имелась семья, было, одним словом, что терять. А мы молоденькие, вскоре и с мощных американских самолетов «Дуглас» кидались так же бесшабашно в лок, испытывая непередаваемое чувство парения в воздухе, забывая, что внизу нас могла земля и вражеским огнем встретить, не только пьянящими осенними запахами. Мы очень уважали политрука Лукьянова и старались быть похожими на него, он в силу своей должности обязан был быть смелым и был таким. Он к нам как к своим детям относился. Мы в его глазах только страх за нас читали.

Помню, пошли в первый бой. А перед глазами непроизвольно всплывает разбомбленное немецкими самолетами наше месторасположение, из которого мы еще во время «учебки» ушли на 5-километровый марш-бросок. Вернулись, а там ничего нет, одни вздыбленные комья земли. Усталость нашу как рукой сняло. Вот так же у нас весь страх, как тогда усталость, вмиг пропал, и мы рванули в первую в своей жизни схватку.

Никогда не забуду, как отсыпались днем во время длительного перехода в своеобразных «могилах», как мы их окрестили. Это ямка такая, вырытая в земле, куда с трудом втискиваешь тело, а сверху маскируешься ветками, дерном, травой. А только сумерки упадут, мы опять идем.

Во время одного из обстрелов меня завалило землей, ранив при этом в руку и голову. Так оказался в госпитале, расположенном в Саратовской области на станции с несвойственным для этих мест названием – Верблюд. Подлечили, а затем всех нас, десантников, отправили на пересылочный пункт в Москву за новым назначением. Я получил направление в город Раменск. Там попал на службу в особый отдел контрразведки, стал водителем.

Полуторку-то дали, а у нее даже руль нерабочий и двери из куска брезента сделаны. Командир роты, которого должен был возить, увидел это чудо и только головой покачал. Я су-

нул было ему пожаловаться, что такую развалюху нам дали. А он в ответ спокойно так меня осадил: «Война, брат. Никто тебе не поможет, делай сам, как сможешь». Уважал я командира, поэтому сделать все постарался от души. От технического состояния моей полуторки ведь наша жизнь напрямую зависела. Сколько мы на ней наездили, сколько операций провели. Не подвела...

– Расскажи, как в освобожденном городе девчушка на глазах у вас поседела, – вступает в разговор жена Василия Васильевича Клавдия Прокопьевна, а у самой слезы на глазах.

– Было такое, – сокрушенно покачал седой головой ветеран. – Представляете, девчушка маленькая совсем, хиленькая, напуганная. Стали солдаты доставать из колодцев людей, сброшенных туда немцами, она и узнала в одной из женщин свою мать. Не закричала, не убежала, стоит как вкопанная, только волосенки прямо на глазах седеют. Нервы и у здоровых-то мужиков не выдерживали, а тут ребенок... Эх, война, – смахивает со щеки слезу Василий Васильевич.

Те, кто воевал, очень ценят медаль «За отвагу». Они твердо уверены: просто так ее не раздавали, только за особое отличие в службе. У Бухова такая есть. И я прошу рассказать, за что он отмечен.

– Перед нами была поставлена задача: во что бы то ни стало пять машин со снарядами доставить к полю боя. Дорога туда была непроходимой, болотистая местность, грязно, топко. Вязнут колеса, буксуют, ни туда ни сюда. Говорят в народе, что «умная мысль приходит опосля», а у меня к месту подоспела. Я же с техникой в колхозе на «ты» был, вот и сообразил, что если колеса припустить, то они под весом грузовиком сплющатся, увеличивая самым площадь опоры, и машины смогут таким образом преодолеть непроходимый участок. Так все и сделали, благополучно добрались до места назначения. А за выполненное задание, с применением солдатской смекалки при этом, на моей груди появилась медаль. Дорожу ею.

– А орден Красной Звезды за что?

– Если коротко, за то, что четырех офицеров-контрразведчиков скрытно от немцев и от наших вывез с передовой в тыл. Они забрасывались туда для выполнения секретного задания. Какого именно, я, конечно, и не знал, так что не расскажу. Ведь в контрразведке много не говорят, в курс дела не вводят. Ставят конкретную задачу для

тебя – выполняй, а что, для чего, как и зачем – вопросы не для нас... Крутить баранку и на гражданке-то непросто, а на войне непросто втройне. Но мы не жаловались, хотя тяжело было, конечно, что тут говорить. Возраст-то какой у нас был? Уже когда демобилизовался в 1946-ом, и то мне двадцати четырех-то еще не было. А за плечами уже две войны – Финская и Отечественная.

Закончил войну Василий, вернулся домой в свое село, устроился на работу в МТС механиком. Начальник МТС Сивухин убедил молодого фронтовика, что надо учиться дальше. Бухов поступил в сельскохозяйственный техникум, а потом стал заведующим мастерской. К этому времени он уже обзавелся семьей. Взял в жены строгую красавицу Клаву из соседнего села. Клавдия работала учительницей, в этой же школе работала и младшая сестра Василия. Она их и познакомила.

Буховы уже растили сынишку Витю и дочку Тamarу, когда Василий Васильевич в числе всего двух представителей от области был направлен на учебу в Московскую сельскохозяйственную академию имени Тимирязева. Клавдия, хорошо осознавая, как тяжело ей будет управляться одной с детьми, работой, домашним хозяйством, все же поддержала мужа. И не только морально. Тяжело было Василию, не имея необходимых базовых знаний, справляться с высшей математикой, словесностью. Учил добросовестно, настойчиво, порой до обмороков. Это и нагрузки сказывались, а в большей мере контузии и ранения, а их было немало – и в руку, и в голову, и в плечо...

Оставив маленьких Витю с Тamarой на добрых людей, Клавдия спешила в Москву, к мужу. Помогала ему в учебе, стараясь добавить те знания, которыми он не владел, но без которых осилить вершину вузовского образования было нереально. И они победили. Василий вернулся в колхоз и приступил к работе уже в должности главного инженера. И стали они жить-поживать, добра наживать, и прожили вместе в любви и согласии 60 лет.

Вот такая емкая, яркая, богатая событиями биография у Бухова. Он и сейчас не стоит в стороне от жизни города. Частый гость в школах, в организациях и на предприятиях, Василий Васильевич старается рассказать о той страшной войне как можно больше правды. Историю можно, конечно, переписывать и переписывать, но только на бумаге. В людских же душах не стереть ни одного эпизода.

Наталья КАРПОВА